

В.И. Рассадин

ОБ ОДНОЙ МОНГОЛЬСКО-ТЮРКСКОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
В МОРФОЛОГИИ

Монгольские языки, как известно, характеризуются наличием особой группы слов, которые, употребляясь вместе с некоторыми глаголами, изменяют их значение, приближаясь в ряде случаев к функции русских глагольных приставок. Речь идет о таких словах, как, например, монг. *суга* в сложных глаголах *суга татах* 'выхватить, выдернуть', *суга цохих* 'выбить, вышибить'; *хага* — в *хага цохих* 'разбить, разломить ударом'; *чоо* — в *чоо цохих* 'пробить, продыривить' и т.п., которым в бурятском языке соответствуют *хуга татаха*, *хуга сохиho*, *хаха сохиho*, *соо сохиho*; в калмыцком — *сун татх*, *сун цохх*, *хих цохх*, *чоо цохх*; в старописьменном монгольском — *суғу татаqu*, *суғу цо-kiqu*, *қаға цоkiqu*, *чоғо цоkiqu*.

Разными исследователями эти слова квалифицируются по-разному. Так, Б.Х. Тодаева в современном монгольском языке относит их к наречиям образа действия, входящим в состав сложных глаголов как их неотделимая часть, например: *мунт татах* 'вырвать, выдернуть', *бут ниргэх* 'разгромить', *хамх цохих* 'разбить' /18, с. 155–156/. Монголоеды МНР тоже считают их наречиями образа действия /12, с. 185/. Однако в монгольско-русском словаре /11/ подобные слова определяются как усилительные частицы при глаголах.

В калмыцком языке Г.Д. Санжеев считал их наречиями образа действия, которые «в основном показывают усиление того или иного действия и не всегда могут быть удачно переведены на русский язык вне контекста» /17, с. 61/. В.Л. Котвич же рассматривал эти слова среди междометий /9, с. 148/. В калмыцко-русском словаре /8/ эти слова квалифицируются как частицы, например: *сун* — частица усиления для выражения быстроты или резкости действия, *хамх* — частица усиления при глаголах, часто соответствующая русской приставке *с-*, а иногда *раз-*.

В грамматике бурятского языка эти слова определяются как наречия образа действия, «употребляющиеся с глаголами и в переводе отдельно не передающиеся, например: *хамх сохиho* 'отломить', *халба нургэх* 'отскочить в сторону', *ходо харбаха* 'прострелить', *хаха сабшаха* 'разрубать, рассекать'...» /4, с. 293/. К.М. Черемисов /22/ относит их к усилительным частицам, как это принято и в прочих словарях монгольских языков.

Из современных монгольских языков, пожалуй, только в бурятском языке широко представлен, кроме того, особый тип этих так называемых наречий образа действия, которые отличаются от рассматриваемых слов лишь формантом *-ра*, *-ро*, *-рэ*: *хугара* (< *хуга*), *хахара* (< *хаха*), *сооро* (< *соо*), *задара*

(< *зада*) и т.п. К.М. Черемисов считает их тоже частицами усиления при глаголах /22/. Грамматика бурятского языка рассматривает их как наречия, образованные от глаголов, выступающих в форме основы, например: *модоной халина хуура татаха* 'отдирать кору с дерева' от глагола *хуураха* 'отдираться, шелушиться', *ултирэ бусалгаха* 'кипятить так, чтобы разварилось (мясо)' от *ултирэхэ* 'развариваться', *задара бариха* 'разломать', 'сломать' от *задирха* 'разваливаться' и т.п. /4, с. 293/.

Но, по сути дела, этот формант *-ра*, *-ро*, *-рэ* представляет собой не что иное, как тот же показатель *-ра*, при помощи которого от рассматриваемых слов образуются непереходные глаголы во всех монгольских языках, что было подробно разобрано В.Л. Котвичем для калмыцкого языка /9, с. 96–97/. Бурятские наречия типа *ултирэ*, *задара* (при современных основах без конечного гласного — *ултир-*, *задар-*) сохраняют, по-видимому, более древнее произношение соответствующих глагольных основ.

Л. Беше подробно исследовал эти своеобразные наречия, названные им превербам, или вербальными префиксами, в современных халха-монгольском, бурятском, ойратском, ордосском языках, в старописьменном монгольском языке и в языке «Сокровенного сказания монголов» /25; 26; 27; 28/. По его материалам, такой же, как и в бурятском языке, тип превербов, включающий формант *-ра*, был распространен и в языке «Сокровенного сказания монголов» /27/. Единичные превербы этого типа отмечаются им также еще в языке халхасцев и калмыков. Но наиболее широко и последовательно представлен этот тип все же в бурятском языке, составляя его специфику.

По данным Л. Беше, превербы в монгольских языках довольно многочисленны. Так, в халха-монгольском языке он выявил 49 превербов, в языке «Сокровенного сказания монголов» — 11, в языке монголов Ордоса — 15, в ойратском языке — 31, в старописьменном монгольском языке — 12, но больше всего превербов в бурятском языке — 64. Если добавить сюда преверб-дериваты, осложненные показателем *-ра*, то число их в бурятском языке почти удвоится. Таким образом, в отношении количества превербов особо выделяются северные монгольские языки — бурятский, халха-монгольский и ойратский.

Монгольские превербы находят полную типологическую аналогию, по нашим материалам, и в тюркских языках, главным образом в сибирских — алтайском, шорском, хакасском, тувинском, тофаларском и якутском. В этих языках тоже широко употребляются составные глаголы, первым компонентом которых выступают особые слова-превербы, сообщающие глаголу — выразителю основного действия дополнительные семантические оттенки, связанные либо с направленностью действия, либо с обстоятельством, способом протекания действия. Происходят эти превербы от формы слитного деепричастия на *-а//е* от соответствующих глаголов. Некоторые из этих деепричастий при этом функционируют уже как настоящие наречия, другие же перешли в разряд послелогов.

Поскольку в тюркологии вопрос о превербах специально не изучался и даже не ставился, позволим себе здесь рассмотреть его более подробно.

В алтайском языке превербы не выделялись, лишь в разделе о слитном деепричастии И.П. Дыренкова в грамматике ойротского (по новой термино-

логии, алтайского. — В.Р.) языка, считая фактические превербы деепричастиями, пишет о них следующее: «Деепричастие на *-а ~-е* определяет и уточняет действие спрягаемого глагола (по его результату), служа определением этого действия. Оно выражает силу или степень этого действия, количество, положение и направление действия. В этом положении оно приближается к русским наречиям (*как, каким образом, в каком количестве, в каком направлении*)» /6, с. 135/.

В словаре алтайского языка /1/ нами обнаружено много составных глаголов, переводимых русскими приставочными глаголами, и при этом превербы функционально соответствуют русским приставкам. По происхождению эти превербы являются деепричастиями на *-а//е* частично от каузативных глаголов, частично от глаголов основного залога. Например: *ойо ат* — 'прострелить', *ойо кес* — 'прорезать' (*ойо < ой* — 'выдалбливать', 'протыкать', 'пробивать', *ат* — 'стрелять', *кес* — 'резать'); *чыгара сур* — 'выгнать', *чыгара сок* — 'выбить' (*чыгара < чыгар* — каузатив от *чык* — 'выйти наружу', *сур* — 'гнать', *сок* — 'бить'); *үзе тиште* — 'откусить', 'перекусить', *үзе чап* — 'отсечь', 'перерубить' (*үзе < үс* — 'рвать', 'оборвать', *тиште* — 'кусать', *чап* — 'сечь, рубить').

Превербы в шорском языке тоже не выделялись и специально не исследовались. Н.П. Дыренкова и здесь считает их слитными деепричастиями /7, с. 158/. В русско-шорском словаре /16/ нам удалось найти много сочетаний превербов с глаголами, например: *шыгара көр* — 'выглядывать', *шыгара сур* — 'выгнать', *шыгара тарт* — 'вытаскивать', *шыгара учук* — 'вылетать' (*шыгара < шыгар* — каузатив от *шык* — 'выйти наружу', *көр* — 'смотреть', *сур* — 'гнать', *тарт* — 'тянуть, тащить', *учук* — 'лететь'); *четыре көй* — 'догореть', *четыре учук* — 'долететь' (*четыре < четыр* — каузатив от *чет* — 'достигать', *көй* — 'гореть'); *кезе шап* — 'разрубить' (*кезе < кес* — 'резать', *шап* — 'рубить'); *чаза тут* — 'разжимать' (*чаза < час* — 'растилать', *тут* — 'держать'); *киире качыр* — 'загонять', *киире ташта* — 'закинуть' (*киире < киир* — каузатив от *кир* — 'входить внутрь', *качыр* — 'гнать', *ташта* — 'кидать').

Судя по данным словарей /2; 15/, довольно развитой предстает система превербов и в хакасском языке. Исследователи хакасского языка слова подобного типа трактуют как наречия, образовавшиеся от слитных деепричастий /5, с. 240–241/. С их помощью хакасский язык семантически точно передает русские глагольные приставки. Так, приставкам *от*-, *пере*- соответствуют в некоторой мере превербы *үзе* (*< үс* — 'рвать') и *кизе* (*< кис* — 'резать'): *үзе тарт* — 'оторвать' (*тарт* — 'тянуть'), *үзе кирт* — 'перегрызть' (*кирт* — 'грызть'). *үзе ызыр* — 'перекусывать' (*ызыр* — 'кусать'), *кизе сап* — 'отрубить' (*сап* — 'рубить'); приставкам *рас*-, *раз*- соответствуют превербы *чал* (*< чай* — 'распространять'), *чаза* (*< час* — 'развертывать, растягивать') *чара* (*< чар* — 'колоть, раскалывать'): *чал таста* — 'раскидывать' (*таста* — 'кидать'), *чаза таста*-, *чаза тарт* — 'разворачивать, растягивать' (*тарт* — 'тянуть'), *чаза тут* — 'разжимать' (*тут* — 'держать'), *чара сап* — 'расколоть, разрубить, расщепить', *чара кис* — 'разрезать', *чара тарт* — 'разодрать, растерзать'.

На полную абстракцию, отвлечение от функции и значения деепричастия указывает употребление превербов, происшедших от каузативных глаголов, с медиальными глаголами, ср., например, в шорском *шыгара көр* — 'выгляды-

вать', в хакасском *сыгара сегир* — 'выпрыгивать, выскакивать', *сыгара учук* — 'вылетать, улетать', *сыгара чыл* — 'выползть' (*сыгара < сыгар* — каузатив от *сых* — 'выходить наружу', *сегир* — 'прыгать', *учук* — 'лететь', *чыл* — 'ползть'); *кире чүгүр* — 'вбегать', *кире тус* — 'вваливаться', *кире ах* — 'втекать' (*кире < кир* — каузатив от *кир* — 'входить внутрь', *чүгүр* — 'бежать', *тус* — 'падать сверху', *ах* — 'течь'). Здесь нет направленности действия на объект или на другой субъект, так как субъект сам совершает действие для себя. Поэтому наличие показателя каузатива в превербе в данном случае свидетельствует о полной грамматикализации, превращении в чисто служебный элемент этой деепричастной в прошлом формы.

Совершенно аналогичную алтайскому, шорскому и хакасскому языкам картину мы наблюдаем в тувинском и тофаларском языках, в которых имеются однотипные по семантике, происхождению и функции превербы, выполняющие при значимых глаголах чисто служебную роль и вносящие в образуемые с их помощью составные глаголы различные семантические оттенки, связанные с направленностью действия, с его специфическим характером или способом протекания. Ср., например, сочетания превербов с глаголами в тувинском языке /19/: *үзе шап* — 'разрубить', *үзе тырт* — 'разрывать' (*үзе < үс* — 'оторвать', *шап* — 'рубить, сечь', *тырт* — 'тянуть, тащить'); *чара бас* — 'раздавить', *чара кес* — 'разрезать' (*чара < чар* — 'раскалывать, разделять', *бас* — 'давить сверху', *кес* — 'резать'); *чедир кыл* — 'доделать' (*чедир < чедир* — каузатив от *чет* — 'достигать', *кыл* — 'делать'); *үндүр тырт* — 'вытаскивать', *үндүр ит* — 'выталкивать', *үндүр шап* — 'выбить' (*үндүр < үндүр* — каузатив от *ун* — 'выходить наружу', *ит* — 'толкать'); *киир как* — 'вбивать', *киир тырт* — 'втаскивать', *киир бас* — 'вдавливать' (*киир < киир* — каузатив от *кир* — 'входить внутрь', *как* — 'бить'); *чуура шап* — 'раздробить, разбить' (*чуура < чуур* — 'раздробить, размельчить'); *чыпшыр ит* — 'придвигать', *чыпшыр тут* — 'придерживать' (*чыпшыр < чыпшыр* — 'приклеивать, прилеплять', *ит* — 'толкать, двигать', *тут* — 'держать').

Примеры из тофаларского языка, взятые из наших полевых записей: *үзе тырт* — 'оторвать', *үзе тут* — 'задушить', *үзе как* — 'убить ударом', *үзе кес* — 'перерезать', *үзе эттэ* — 'отсечь, отрубить' (*үзе < үс* — 'оторвать', *тырт* — 'тянуть', *тут* — 'держать', *как* — 'ударить', *кес* — 'резать', *эттэ* — 'бить', 'колотить'); *үндүрү тырт* — 'вытащить', 'выволочь', *үндүрү сыбыр* — 'выгнать' (*үндүрү < үндүр* — каузатив от *ун* — 'выходить наружу', *сыбыр* — 'гнать'); *киирі шаг* — 'вбивать', 'вколачивать' (*киирі < киир* — каузатив от *кир* — 'входить внутрь', *шаг* — 'бить', 'колотить'); *чыпшыры шары* — 'прибинтовать', *чыпшыры ит* — 'прижать', 'придвинуть' (*чыпшыры < чыпшыр* — 'приклеить', 'прилепить', *ит* — 'пихать', 'толкать', *шары* — 'бинтовать', 'перевязывать'); *чуура эттэ* — 'раздробить ударом' (*чуура < чуур* — 'раздробить', 'размельчить', *эттэ* — 'бить', 'колотить').

Превербы имеются и в якутском языке, но трактуются они и в грамматике /20, с. 254/ и в словаре /24/ как наречия, которые, соединяясь с глаголами, либо означают интенсивность действия, либо придают действию дополнительную эмоциональную характеристику. Например: *үлү түһэр* — 'разбить вдребезги', *үлү кырбаа* — 'сильно избить' (*түһэр* — 'уронить', *кырбаа* — 'бить', 'колотить'); *халты быс* — 'резать', *халты көр* — 'скользнуть взглядом' (*быс* — 'резать', *көр* — 'смотреть'); *мүлү бар* — 'соскальзывать' (*бар* — 'пойти'); *тобулу*